

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое) 44
Д21

Jenny Downham
FURIOUS THING

Печатается с разрешения с литературных агентств
Felicity Bryan Associates и Andrew Nurnberg.

Д21 **Даунхэм, Дженни.** Чудовище. [роман] / Дженни Даунхэм ; пер. с англ. Ю. Полещук. – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 416 с.

ISBN 978-5-17-115098-3

Лекси зла. И с каждым днем — все сильнее.

Если бы она только могла держать себя в руках, отчим принял бы ее, мать бы вновь полюбила, а ее сводный брат наконец объявил бы их парой и провел бы с ней остаток своих дней. Лекси хочет всего этого так сильно, что готова попытаться усмирить свой гнев. Она ведь так хочет, чтобы семья гордилась ею. Но чем сильнее она сдерживает себя, тем ближе извержение вулкана по имени Александра Робинсон. И никому от нее не укрыться.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-115098-3

Copyright © 2019. FURIOUS THING
by Jenny Downham
© Ю. Полещук, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Моей сестре Тине

История о любви и смерти

Жила-была скверная девчонка. Она швырялась предметами, хлопала дверьми, ругалась. Она была грубой и неуклюжей, ни с кем не водилась. Учителя считали ее идиоткой. Родные махнули на нее рукой.

— У других девочки как девочки, спокойные, воспитанные, — причитали они. — Что же у тебя-то все не как у людей?

Она и сама не знала.

Родные притопывали ногой и неодобрительно качали головой, пытаясь понять, что же с ней не так.

— Я изменюсь, — обещала девчонка. — Честное слово, я буду хорошо себя вести.

Ей хотелось, чтобы это было правдой.

Ей хотелось, чтобы родные ее любили.

Но в животе у нее ядовитой змеей притаилась ярость. А некоторые обещания выполнить очень сложно.

Я спряталась в саду. Прошло уже десять минут, и я надеялась, что выходка сойдет мне с рук, но тут на пороге появилась мама. Я изо всех сил старалась притвориться невидимкой, но мама заметила меня с лужайки.

— Слезай с дерева, иди и немедленно извинись, — велела она.

— Он на меня злится?

— И он, и я.

— Он меня накажет?

— Не знаю. Но нельзя нахамить человеку и сделать вид, будто ничего не произошло.

— Я не хотела. Как-то само вырвалось.

— Да ну? — Мама принялась загибать пальцы. — «Чтоб вам пусто было с вашей помолвкой». «Пусть все ваши гости отравятся». «Ноги моей там не будет, отвалите». И это все у тебя само вырвалось?

Я погладила бархатистую черную почку. Будь я листиком, от меня никто ничего не ждал бы.

— Тебе не кажется, что это обидно? — не унималась мама.

Я посмотрела на нее сквозь листву. Мама была в футболке, леггинсах и фартуке. Лицо ее разругалось.

Мне стало стыдно. Я ведь обещала помочь и только все испортила.

— Прости, мам.

Она устало улыбнулась.

— Я понимаю, ты расстроилась, что Касс не придет, но тебе и без него будет весело. Мы столько всего вкусного наготовили, зажжем в саду огни, будут танцы — красота же!

Но я хотела танцевать только с Кассом. Я не видела его с тех самых пор, как он после Рождества вернулся в университет. То есть целых шестьдесят пять дней.

— Ладно, слезай давай, — сказала мама. — Чем быстрее извинишься перед Джоном, тем легче будет это сделать.

Я медленно спустилась, стараясь двигаться как можно более грациозно.

— Вот что я придумала, — продолжила мама, когда я очутилась возле нее. — Я знаю, ты терпеть не можешь всякие тусовки, и мне жаль, что твой брат не приехал.

— Он мне не брат.

— Ты поняла, о чем я. Если бы Касс был с нами, тебе было бы легче. Но он не придет, что поделать. Может, будешь разносить канале? Что скажешь? Вроде и на людях, и общаться ни с кем не надо.

Я поняла, к чему она клонит, и испугалась.

— Я не хочу ни с кем разговаривать.

— Займешься делом, отвлечешься.

Интересно, что она сделает, если я сейчас залезу обратно на дерево? Неужели за ноги меня стащит? Может, если быстренько шмыгнуть наверх, мама вер-

нется домой и скажет Джону, что не смогла меня найти? Пусть отмечают свою помолвку без меня. Но время шло, я понимала, что никуда не поеду. И молча сунула руки в карманы.

— Лекс, — наконец произнесла мама.

— Шведский стол для того и придумали, чтобы гости сами выбирали, что хотят.

— Они будут брать горячее, но в начале принято разносить закуски.

— Ну мам, пожалуйста, не заставляй меня. Попроси Айрис.

— Айрис еще маленькая. — Мама взяла меня за руку и легонько ее сжала. — Мы начинаем новую жизнь. И я хочу, чтобы ты была с нами.

Она волновалась. Я чувствовала, как дрожат ее пальцы. Она столько лет ждала, пока Джон разведется, и теперь она наконец станет его женой, и ей вовсе не хочется, чтобы я все испортила.

— Если хочешь, я буду уносить пустые бокалы. И помогу гостям раздеться.

— Это не общение, Лекс.

— Мам, ну куда мне закуски разносить? Ты же меня знаешь: обязательно что-нибудь урону.

— Ничего подобного.

Я споткнусь и упаду. Что-нибудь разолью. Забуду, с чем эти канапе. Меня спросят: «А это что?», рассчитывая на вразумительный ответ, я же промыву какую-нибудь чашу, гости посмотрят на меня как на дуру, я разозлюсь, швырну поднос на лужайку и убегу. И все эти гламурные коллеги Джона узнают то, что ему

самому давно уже известно: я идиотка с ужасным характером. «Кто эта девица?» — непременно спросят они, а Джон, страдальчески поморщившись, ответит: «Александра — моя будущая падчерица».

Мама чмокнула меня в макушку. Уж не знаю, почему. Может, на удачу, а может, просто хотела показать, что все равно любит меня, хоть я и веду себя, как черт знает кто.

— Я злюсь на Касса, — призналась я.

Мама кивнула.

— Понимаю.

Я ему сегодня послала эсмэску: «СПИШЬ?»

Он ответил через целых тридцать семь минут: «УЖЕ НЕТ».

«ПРИЕДЕШЬ?»

Нет. Извинился и обещал исправиться. Меня так и подмывало спросить, каким же образом, но я не стала. Выключила телефон, и все.

Мама взяла меня за руку, и мы пошли домой.

— Когда-нибудь ты привыкнешь к тому, что он уехал.

Ничего-то она не понимает.

Мы познакомились, когда мне было восемь лет, а Кассу почти одиннадцать. Мама тогда была беременна Айрис, так что поневоле пришлось знакомиться с новыми родственниками: другого выбора не было.

Кассу велели присмотреть за мной в саду, пока взрослые общаются. Я решила его игнорировать. Мне

уже исполнилось восемь, и за мной совершенно не нужно было присматривать. Тем более что это *мой* сад. Я подумала, что если не буду с ним разговаривать и смотреть на него, то он уйдет. Но он не ушел. Сел на ступеньку пожарной лестницы и сказал:

— При пожаре от этой лестницы не было бы никакого толку. — Он показал мне, что лестница спускается в огороженный сад, выйти из которого невозможно, и если бы все жильцы собрались в саду, случилась бы трагедия: им бы на головы падали обломки горящего дома, а мы даже не смогли бы убежать. — Лучше взять веревку с узлами, — продолжал Касс, — привязать к кровати или оконной раме и по ней вылезти на улицу.

Мне понравилось, что он так спокойно рассуждает о всяких ужасах. Еще мне понравилось, что он хотел меня спасти. В сказке «Гензель и Гретель» всех спасала девчонка, но и наоборот тоже ничего.

— Мать взбесится, когда узнает, что я был у вас, — сказал Касс, набрал пригоршню гравия с дорожки и принялся швырять камешки в траву. — Ты знаешь, что твоя мать — любовница моего отца?

Я кивнула.

— Ну, вот потому и взбесится. Когда все открылось, она такую бучу подняла! Она-то думала, папа работает как проклятый, а он по бабам ходит.

— Они с мамой уже давно встречаются, — ответила я.

— Вот именно, — резюмировал Касс.

И рассказал, что его мама выгнала отца, но тот поклялся измениться, и она приняла его обратно. Касс

сказал, что отец вечно извиняется, но всегда врет, и Кассу надоело, что родители ведут себя как полные придурки.

— А потом мама узнала про ребенка... — Он так печально посмотрел на меня, что у меня сжалось сердце.

— И что она сделала? — прошептала я.

— Орала как резаная. Била посуду и всякое такое. Швырнула отцу в голову чашку с чаем, прикинь? Вообще чума.

Он рассмеялся, и я за ним.

— Попала?

— Не, он пригнулся, чашка разбилась о стену, но чаем его облило конкретно.

Я посмотрела Кассу в глаза.

— А что она еще разбила?

— Сбросила с лестницы телевизор.

Тут мы расхохотались как ненормальные.

— Во дает, — сказала я, — сильная у тебя мама.

На это Касс ответил

— Подумаешь, телевизор был маленький и она все равно собиралась покупать новый, так что невелика потеря. Мама считает, что у папы теперь прекрасная новая жизнь на новом месте с новой женщиной и готовой дочкой.

— Она про меня знает?

— Конечно.

Я просияла при мысли о том, что взрослые говорили обо мне и какая-то чужая тетка мне завидует.

Я показала Кассу свой фирменный способ залезать на дерево и объяснила, с какой ветки удобнее перебираться на стену. Он отметил, что я точно знаю, как вести

себя при пожаре, так что наверняка спасусь. Мы залезли на самую верхушку, и я показала ему окна нашей квартиры, мы высматривали в них мою маму и его папу, но в стеклах отражалось солнце, так что мы ничего не увидели. Потом мы принялись разглядывать чужие окна, надеясь, что увидим кого-нибудь из соседей голыми, но тоже никого не увидели. Еще мы играли в дурацкие игры: у кого самые дебильные занавески, у кого больше всего хлама на подоконнике, у кого самые грязные стекла и самые уродливые цветы. Сошлись на том, что этого добра полно у обоих. И хохотали как ненормальные. Мне почему-то было приятно, что я могу его рассмешить.

Но приятнее всего было, когда он спросил меня о моем отце.

— Я никогда его не видела, — ответила я. — Он бросил маму, когда она забеременела мной.

До этой минуты я никогда в жизни не радовалась тому, что не знала отца. Но, когда я в этом призналась, у меня появилось чувство, будто я сделала Кассу какой-то важный подарок.

Он протяжно присвистнул и пожал мне руку.

— Как же меня бесят взрослые, — сказал он.

Мы словно надрезали пальцы ножом и породнились кровью.

2

Наша квартира была похожа на рекламную картинку: в окна било яркое солнце, стол на кухне ломился от вкусностей. Айрис рисовала, сидя за журнальным столиком, Джон развалился в кресле, ковер устилали субботние газеты. Я надеялась, Джон промолчит, но стоило мне войти в комнату, как он тут же вскинул глаза:

— Ну что, успокоилась?

— Прости.

— И все?

— Прости, что я тебе такого наговорила. Я не хотела. Надеюсь, вечеринка получится замечательная. Обещаю, что больше не сорвусь.

— По-моему, ты просто издеваешься.

И уткнулся в газету. Я выдохнула.

Айрис улыбнулась.

— Посмотри, что я нарисовала. — У нее получился сказочный замок из стекла и зеркал, уходивший в синее небо. — Это наш новый дом, — пояснила она. — Папочка его построит, когда мы разбогатеем. Тут вот башенка, — она указала на самую низкую башню, — а это называется «бойница».